

**ЧТО ЕСТЬ ИСТИННЫЙ ПАСТЫРЬ?
НОВЫЕ ШТРИХИ К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ В КИЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ XVII В.**

Рец. на: Nowak A. Z. Priesthood in the Teachings for the Clergy. On the History of Religious Reform in the Kievan Metropolitanate throughout the 16th and 17th Centuries. Kraków: Scriptum, 2017. — 426 с.

**WHAT IS A TRUE SHEPHERD?
NEW DATA ON THE HISTORY OF THE ORTHODOX REVIVAL
IN THE SEVENTEENTH-CENTURY METROPOLITANATE OF KIEV**

Rev. of: Nowak A. Z. Priesthood in the Teachings for the Clergy. On the History of Religious Reform in the Kievan Metropolitanate throughout the 16th and 17th Centuries. Kraków: Scriptum, 2017. — 426 p.

Книга краковского филолога Алиции Новак обобщает результаты многолетних исследований религиозной книжности православной Киевской митрополии XVI–XVII вв. Начало ее изысканиям было положено монографией «Человек перед лицом вечности»¹, в которой на основе богатой в жанровом отношении погребальной литературы (литургические тексты, проповеди, поминальные речи, поэмы, плачи, эпитафии, катехизисы, богословские трактаты и учебники *ars moriendi*) анализировались такие фундаментальные явления культуры, как смерть и отношение к ней в православной традиции Речи Посполитой.

Новая книга А. Новак посвящена проблеме пастырства в ее нормативном измерении, т. е. тому, каким должен быть истинный пастырь в понимании православных интеллектуалов Киевской митрополии раннего Нового времени и в чем состоит его служение. Хронологические рамки исследования — последняя треть XVI–XVII вв. — понимаются автором как период православного возрождения (*revival*), предвестие которого усматривается еще в Виленском синоде 1509 г., активном братском движении, издательских и образовательных инициативах церковных иерархов и отдельных светских лиц накануне Брестской церковной унии

¹ Nowak A. Z. Człowiek wobec wieczności. Ukraińskie i białoruskie prawosławne piśmiennictwo żałobne XVII wieku. Kraków: Collegium Columbinum, 2008.

1596 г. Обновительные тенденции конца XVI в., многие из которых были спонтанной инициативой, обретают более отчетливые очертания в период борьбы Православной Церкви за выживание в первые два десятилетия XVII в. вплоть до восстановления церковной иерархии; их логическим продолжением становятся инициированные Петром Могилкой и его сподвижниками масштабные реформы всех сторон церковной жизни. В центре внимания автора фигура священника как ключевая фигура православного возрождения: предназначение священника перед лицом новых вызовов времени, формирование особого пастырского этоса и укрепление авторитета белого духовенства, противодействие светским влияниям на духовное сословие. Сквозной линией через все исследование проходит понимание печатной книги как одного из главных инструментов реформы — тезис, который автор монографии разделяет с православными интеллектуалами раннего Нового времени (с. 12). Появление печатных наставлений для духовенства в киевской книжности было явлением не единичным, но массовым с конца XVI и на протяжении большей части XVII в. Численность данных памятников, а также появление новых, не свойственных более ранней эпохе жанров поучений рассматривается автором в качестве одного из наиболее очевидных проявлений православного возрождения.

Монография состоит из трех тематических блоков. Первая глава — «Источники поучений для священников» (*On the Sources of Teaching for Priests*) — служит своеобразным введением в исследование и содержит подробную источниковедческую характеристику всех текстов, которые создавались или функционировали в книжности той эпохи в качестве наставлений для пастырей. К ним относятся авторские предисловия (в том числе и в рифмованной форме), посвящения и послесловия в составе разнообразных по жанру богослужебных изданий; различного рода дополнительные статьи, которые могли встраиваться, например, в чинопоследования отдельных таинств или выполняли функцию введения (поучение Василия Великого к иереям с зачалом «Вънемли себе о Иерею», статья «От правил Св. Апостол», др.); издания сочинений отцов Церкви («О священстве» Иоанна Златоуста) и (псевдо)канонических статей (Псевдо-Зонара); поучения в составе сборников гомилий; тематические поучения о всех семи таинствах («Дидакалия» Сильвестра Косова) или только о таинстве Покаяния (Иоанникий Галатовский «Грехи розмаитые»; «Мир с Богом человеку») и целый ряд других памятников. Автор дает краткую содержательную характеристику использованных источников и анализирует генетическую связь отдельных памятников друг с другом.

Во второй главе — «О кандидатах в клир» (*On Candidates to the Clerical State*) — автор более подробно рассматривает широкий круг сюжетов, связанных преимущественно с порядком избрания кандидатов для рукоположения в епископский сан. К ним относятся формальные требования к кандидатам, обязанности и «опасности» епископского чина, представления о нравственной чистоте будущего пастыря, процедура выбора кандидата (в том числе и собеседование с ним), канонические препятствия к принятию сана и другое. Ставится вопрос о влияниях этоса черного духовенства на представления о том, каким должен быть истинный пастырь. Нормативная программа, представленная в анализи-

руемых источниках, соотносится автором с реалиями Киевской митрополии раннего Нового времени, хотя анализ конкретных практик и нравов той эпохи не ставится автором в качестве самостоятельной исследовательской задачи. Но их включение в поле исследования позволяет лучше понять, перед какими конкретно вызовами стояли православные реформаторы той эпохи и что они воспринимали как «нестроения» в Церкви.

Третья и заключительная глава монографии — «Подготовка священника к литургии» (*A Priest's Preparation for the Liturgy*) — включает материал, связанный непосредственно с богослужбной деятельностью пастыря: достоинство служителя, духовная подготовка celebranta к служению и к принятию Евхаристии, грехи иерея, знание чинопоследования Литургии, обязательное наличие богослужбных книг. Здесь же автор останавливается и на некоторых терминологических сюжетах, связанных, например, с определением понятия «таинство» и его составляющих частей, ставя вопрос о заимствовании понятийного аппарата из католической схоластической сакраментологии. Выделение богослужбной проблематики в самостоятельную главу обосновывается не только тем самоочевидным фактом, что отправление Литургии является кульминацией пастырского служения; данная проблематика важна, по мнению автора, еще в связи с использованием «литургического аргумента» представителями Униатской Церкви для обоснования собственной идентичности, а также в контексте масштабных процессов литургической унификации в посттридентской Католической Церкви, которая не прошла незамеченной для православных в Речи Посполитой (с. 12).

Достоинство новой книги А. Новак заключается в комплексном обобщении обширного источниковедческого материала о сути пастырского служения и об обязанностях духовенства в Киевской митрополии, в попытке преодолеть некоторые распространенные в польской историографии штампы. Отдельные аспекты темы «пастырство» в целом неплохо исследованы в историографии на древнерусском материале² и достаточно полно на материале униатской Киевской митрополии XVII в.³ Но для православной Киевской Церкви раннего Нового времени не существовало обобщающего исследования, сопоставимого с компендиумами по истории пастырского богословия и пастырских практик средневековой Западной Европы⁴ или посттридентской католической Поль-

² Из публикаций последних лет хотелось бы отметить в первую очередь работы Е. В. Беляковой: Белякова Е. В. Поучения киевских митрополитов как источник по истории образования духовенства // *Europa Orientalis. Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*. 2015. № 6. S. 133–153; Она же. Циклы поучений священникам в Кормчих западнорусской редакции // *Slavistica Vilnensis*. 2016. № 61. С. 187–255.

³ В этой области давно и продуктивно работает львовский историк Игорь Скочиляс: Скочиляс И. Галицька (Львівська) єпархія XII–XVIII ст.: Організаційна структура та правовий статус. Львів, 2010; Скочиляс И. Собори Львівської єпархії XVI–XVIII століть. Львів, 2006.

⁴ *A Companion to Pastoral Care in the Late Middle Ages (1200–1500)* / R. J. Stansbury, ed. Leiden; Boston, 2010; Dürr R. *Images of the Priesthood: An Analysis of Catholic Sermons from the Late Seventeenth Century* // *Central European History*. 2000. Vol. 33. P. 87–107; *Texts and Traditions of Medieval Pastoral Care. Essays in Honour of Bella Millett* / C. Gunn, C. Innes-Parker, eds. Woodbridge, 2009.

ши⁵. А потому монографию Новак можно рассматривать как важный вклад в изучение обозначенной проблемы, и хочется согласиться с автором, что фигура пастыря как ключевая в процессе церковного обновления Киевской митрополии XVII в. вполне заслуживает самостоятельного и очень пристального внимания.

Но при этом после прочтения монографии у читателя может возникнуть целый ряд вопросов и даже сомнений. Автор разделяет концепцию полиморфизма или многоликости и многогранности религиозной культуры православной Киевской митрополии (с. 13)⁶, которая могла бы стать своего рода методологическим инструментарием в понимании особенностей киевского православного возрождения⁷. Но заявленный во вступлении данный тезис не получает в книге развернутого обоснования или раскрытия. Точно так же, почти незаметно, в качестве едва различимого фона звучит тема католических влияний на православную богословскую мысль в Речи Посполитой. Учитывая, что некоторые пастырские тексты были инспирированы католической традицией (если и не содержательно, то по крайней мере жанрово-композиционно), было бы также интересно, как представляется, хотя бы пунктирно сравнить обновленческие усилия православных Киевской митрополии с посттридентской реформой пастырства.

Заявленный во вступлении к исследованию тезис о многоязычии православной культуры (с. 15) находит в самом тексте монографии подтверждение лишь на уровне констатации использования в отдельных памятниках «простой мовы», церковнославянского или польского языков или отдельных замечаний о ситуативности языкового выбора, без какого-либо теоретического осмысления столь уникального языкового явления⁸.

Нигде не прописан вывод (хотя автор постоянно подводит к нему читателя) о том, что в православной книжности той эпохи не сформировался цельный жанр литературы «*cura pastoralis*»: хотя существовали отдельные пособия (в первую очередь по сакраментологии), практически все поучения для духовных лиц

⁵ Здесь стоит отметить как исследования обобщающего характера, начиная с не утратившей своей актуальности статьи М. Яблоньского (Jabłoński M. Teoria duszpasterstwa // *Dzieje teologii katolickiej w Polsce*. T. I. Lublin, 1974. S. 307–359), так и значительное число монографических изданий по отдельным регионам Речи Посполитой (начало которым было положено еще в 80-е гг. XX в.; например: Marczewski J. R. Duszpasterska działalność Kościoła w średniowiecznym Lublinie. Lublin, 2002; Związek J. Duszpasterstwo parafialne w dekanacie Nowa Góra w pierwszej połowie XVIII wieku. Lublin, 1977) и даже по отдельным пастырским памятникам (Nasiorowski S. «List pasterski» Kardynała Bernarda Maciejowskiego. Lublin, 1992).

⁶ Одной из первых об этой черте православной культуры Киевской митрополии заговорила Джованни Броджи Беркофф (Brogi Bercoff G. Ruś, Ukraina, Ruthenia, Wielkie Księstwo Litewskie, Rzeczpospolita, Moskwa, Rosja, Europa Środkowoschodnia: o wielowarstwowości i polifunkcjonalizmie kulturowym // *Contributi italiani al XIII Congresso Internazionale degli Slavisti* (Ljubljana 15–21 agosto 2003) / A. Alberti, M. Garzaniti, P. Garzonio, ed. Pisa, 2003. P. 366).

⁷ Одним из примеров (на наш взгляд весьма удачных) использования концепции полиморфизма стала книга украинского историка Наталии Яковенко «У пошуках Нового неба. Життя і тексти Йоанікія Галятовського» (Київ, 2017).

⁸ См. теоретическое введение в проблему: Temčinas S. *Języki kultury ruskiej w Pierwszej Rzeczypospolitej // Między Wschodem a Zachodem. Prawosławie i Unia* / M. Kuczyńska, red. Warszawa, 2017. S. 81–120.

публиковались как приложения или дополнительные статьи в составе различных богослужебных изданий, реже — материалов синодов или епископских посланий. В последнем случае речь шла, как правило, не о создании нового памятника, а о воспроизведении или незначительной адаптации уже функционирующих в культуре текстов. Примером может послужить епископское наставление «Поучения новопоставленному иерею», восходящее к памятнику XIII в. (с. 52) и опубликованное впервые, судя по всему, в Стрятине в 1604 г. Памятник перепечатывается впоследствии практически без изменений и единственное *novum* в его бытовании в пределах Киевской митрополии — это появление в качестве статьи конвоя трактата о таинствах в форме катехизиса (Львов, 1642 — в редакции Арсения Желиборского и Новгород Северский, 1676 — в редакции Лазаря Барановича) (с. 54–55, 68–70).

Некоторым исключением можно считать трактат «Мир с Богом человеку» (Киев, 1669), который, правда, охватывал далеко не весь спектр проблем «*siga pastoralis*». Объяснение данного феномена или причин, почему православное возрождение не привело к созданию самостоятельного жанра литературы «*siga pastoralis*», кроется, по всей видимости, не только в более слабой (по сравнению хотя бы с католиками и протестантами в Речи Посполитой) развитости системы образовательной формации духовенства, но и в том, что в центре пастырского служения оставалось в первую очередь богослужение: катехизации, проповедничеству и миссионерству пусть и отводилась определенная роль, но более второстепенная. Автор сама неоднократно упоминает об этом на протяжении своей книги, но не резюмирует своих разрозненных наблюдений.

Возникает вопрос и о правомерности включения в круг анализируемых источников ряда проповедей Симеона Полоцкого из сборника «Вечера душевная» (1683). Несмотря на то что Симеон был выходцем из Киевской митрополии и его интеллектуальный и культурный багаж в значительной степени сформировался до переезда в пределы Московского государства, анализируемые проповеди создавались уже совершенно для другой целевой аудитории и были частью задуманной Симеоном образовательной программы, которую он пытался реализовать уже на русской почве и учитывая местные московские реалии⁹. И именно поэтому сочинения Симеона московского периода сложно рассматривать как часть «возрождения Киевской Церкви». Данное замечание, как представляется, можно распространить и на корпус поучений для пастырей Димитрия Ростовского, которые составлялись после изменения канонического статуса Киевской митрополии и были обращены к духовенству совершенно иной, нежели в киевских пределах, духовной формации. Более того, если мы располагаем свидетельствами о хождении «Вечери душевной» среди киевского духовенства (подтверждением чего может быть хотя бы библиотека Феофана Прокоповича, сформированная еще в киевский период его жизни), то знакомство киевлян с пастырскими поучениями Димитрия, созданными в ростовский период его служения, никак не подтверждено (по крайней мере на настоящий момент!). Заслуживает внимания, как представляется, и вопрос о том, оказало ли какое-либо влияние

⁹ Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011. С. 107–108.

изменение канонического статуса части Киевской митрополии в конце XVII в. на литературу для пастырей. В книге А. Новак все изменения ограничены констатацией заметного снижения числа подобного рода изданий и подцензурности украинских типографий в начале XVIII в.

Больше всего вопросов вызывает включение автором в корпус анализируемых источников текстов униатского происхождения: это и сочинение митрополита Иосифа Рутского, и рукописные правила для священников Иосафата Кунцевича, и материалы Кобринского синода 1626 г., и катехизис Иннокентия Винницкого, и целый ряд других сочинений. Наложение и почти полное слияние двух традиций особенно заметно в третьей главе монографии, хотя сама исследовательница (вслед за П. Галадзой) и утверждает, что богослужение и порядок отправления таинств после Брестской унии становятся не только предметом напряженных богословских споров, но и превращаются в значимые национальные и политические символы (с. 262), служащие для позиционирования собственной личности, дистанцирования себя от иных конфессий.

Читателю остается непонятным, на каких основаниях происходит «совмещение» православной и униатской традиций. Произошло ли это случайно, или за этим стоит явно не проговоренная в книге, но разделяемая автором концепция единого культурного пространства на «Рутенских землях» Речи Посполитой? В пользу второго предположения может свидетельствовать то обстоятельство, что хотя автор еще во введении позиционирует себя как исследователь православной Киевской митрополии, в самой книге часто говорится просто о «Рутенских землях» (Ruthenian lands; с. 110, 300, 304, 316, др.), которые понимаются то как синоним Киевской митрополии, то в более широком смысле. Весьма примечательно, что в польскоязычной аннотации к книге (с. 365–367) определение «православная» применительно к анализируемой Церкви вообще не употребляется.

В представлении об этом едином культурном пространстве есть значительная доля истины, если смотреть на проблему *только* через призму религиозной книжности: обе Церкви обращались в XVII в. не только к *общему* для них корпусу текстов добрестского периода, но и к *одним и тем же* текстам иноконфессионального происхождения, которые переводились, перерабатывались и адаптировались к своей (православной или униатской) традиции. Более того, памятники, создававшиеся в униатской среде, могли циркулировать среди православных (например, «Наука о семи тайнах церковных» из виленского требника ок. 1618 г., к которой активно обращались и Петр Могила, и составители киевского компендиума «Мир с Богом человеку»¹⁰) и наоборот (о чем свидетельствует судьба «Евхологиона» 1646 г. Петра Могилы¹¹). В любом случае, «совмещение» двух религиозных традиций, которые сами позиционировали себя в XVII в. как враж-

¹⁰ Корзо М. А. «Мир с Богом чоловіку» Інокентія Гізеля в контексті католицької моральної теології кінця XVI — першої половини XVII ст. // Інокентій Гізель. Вибрані твори у 3-х тт. / Упорядкування та загальна редакція Л. Довга. Т. 3. Київ; Львів: «Свічадо», 2010. С. 195–262.

¹¹ Жуковский А. Анализа Требника Петра Могилы // Требник Петра Могилы (репринт). Canberra; München; Paris, 1988. P. 35–37.

дебные по отношению друг к другу, нуждается в очень серьезном обосновании. Без него остается непонятым, в чем же состояла специфика *именно православного* «обновления» концепции пастырства в XVII в.

Корзо Маргарита Анатольевна
канд. ист. наук,
ст. науч. сотрудник Института философии РАН
Российская Федерация, 109240
г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
korzor@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6299-5187

Margarita Korzo,
Candidate of Sciences in History
Senior Research Fellow,
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences
12/1 Goncharnaya Str., Moscow,
109240, Russian Federation
korzor@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6299-5187

АНГЛИКАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО И УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НАКАНУНЕ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ*

Рец. на: Slinn S. The Education of the Anglican Clergy, 1780–1839. Studies in Modern British Religious History. Woodbridge: Boydell Press, 2017. X + 276 p.

THE ANGLICAN CLERGY AND UNIVERSITY EDUCATION PRIOR TO THE VICTORIAN ERA

Rev. of: Slinn S. The Education of the Anglican Clergy, 1780–1839. Studies in Modern British Religious History. Woodbridge: Boydell Press, 2017. X + 276 p.

Российский исторический контекст, особенно если говорить о XVIII–XIX вв., характеризуется весьма нетипичным как для Западной Европы, так и для восточно-христианских регионов социальным профилем приходского духовенства. Понятие «духовное сословие» в том смысле, в котором оно бытовало в России, непереводимо на иные языки, а специфическое сочетание традиционных и западных тенденций в культуре, в том числе в культуре духовенства, обуславли-

* Рецензия подготовлена в 2019–2020 гг. в рамках проекта «Парадигма христианского священства и ее трансформации в истории и современности» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.